

И. И. Первольф

**Славяне, их взаимные
отношения и связи.**

**Том 3. Славянская идея в
политических и культурных
сношениях славян до конца
XVIII века. Часть 1. Западные
славяне.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И. И. Первольф
И11 Славяне, их взаимные отношения и связи.: Том 3. Славянская идея в политических и культурных сношениях славян до конца XVIII века. Часть 1. Западные славяне. / И. И. Первольф – М.: Книга по Требованию, 2013. – 285 с.

ISBN 978-5-4241-8651-6

Печатано по определению Совета Императорского Варшавского Университета. Ректор Н. Лавровский.

ISBN 978-5-4241-8651-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ствительно, такъ говорилъ, то можно бы было назвать меня чело-вѣкомъ навѣрнымъ, не смыслящимъ ничего въ дѣлѣ исторіи чело-вѣчества вообще, и Славянъ въ особенности. Но я ничего подобнаго не утверждаю. Я, разумѣется, не сочувствую и не могу сочувство-вать этому страшному процессу истребленія Славянъ Нѣмцами, то подъ предлогомъ „креста“, то подъ предлогомъ „культуры“ и дру-гихъ высокопарныхъ кличекъ, а въ сущности только во имя извѣ-стнаго „убирайся отсюда, чтобъ я туда влѣзъ“. Я, конечно, не восхищаюсь „богатырскими“ подвигами нѣмецкихъ „Львовъ“ и „Медвѣдей“, „святыхъ душъ“—крестоносцевъ въ Пруссіи и ихъ товарищей крестоносцевъ въ Чехіи, убивавшихъ всякаго, кто не зналъ по-нѣмецки или былъ похожъ на Чеха (см. „Славяне“ III. 74); я не восторгаюсь подвигами такихъ разныхъ „великихъ“ Сла-вянобойцевъ (Vindamygdig—назвали ихъ Варяги), несшихъ въ сла-вянскія страны только рѣзню, пожары, грабежъ, истребленіе: все съ тѣмъ — какъ это мѣтко опредѣлили уже древнерусскіе лѣто-писцы—чтобъ „словенскій языкъ укорити ниже себе, плѣнити и въ себѣ въ работу створити“ (см. „Славяне“ II. 400). Но съ другой стороны я слишкомъ много изучалъ исторію чело-вѣчества вообще и исторію отношеній Славянъ и Нѣмцевъ въ особенности, чтобъ не понимать, что въ страшной борьбѣ народовъ за суще-ствованіе допускаются всѣ средства, всѣ оружія, крестъ и мечъ, плугъ и багпталъ, перо и книга, церковь и школа. Я уже давно, еще въ 1877 г. (22 мая), защищая докторскую диссертацию „Гер-манизация балтійскихъ Славянъ“, въ своей рѣчи сказалъ между прочимъ и слѣдующее: „Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ Нѣмцы добиваются славы и обширнаго господства, Славяне же сражаются за свободу и для избѣжанія крайняго рабства. Та-кими словами характеризовалъ одинъ нѣмецкій лѣтописецъ X в., Саксонецъ Видукиндъ, вѣковую упорную борьбу полабско-балтій-скихъ Славянъ съ Нѣмцами, и эти слова нѣмецкаго монаха ха-рактеризуютъ, какъ нельзя лучше, взаимныя отношенія Нѣмцевъ и Славянъ въ средней Европѣ. Какъ только племена нѣмецкое и славянское являются на историческомъ поприщѣ, завязывается между ними упорная борьба. Во время Видукинда, во время силь-ныхъ Оттоповъ, балтійскіе Славяне, не смотря на отчаянную хра-

брось, въ концѣ концовъ не отстаиваютъ свободы, не избѣгаютъ рабства, а Нѣмцы, добиваясь славы, подвигаютъ свою власть далеко на востокъ за Одру и до Карпатовъ. Положеніе дѣлъ не измѣняется и въ послѣдующихъ за тѣмъ вѣкахъ: Славяне или совсѣмъ погибаютъ или прозябаютъ въ тѣни могущественной имперіи римско-нѣмецкой. Еще семь столѣтій тому назадъ нынѣшнія Авинны на Шпрее, Берлинъ, былъ славянская деревня; тогда предки нынѣшнихъ герцоговъ мекленбургскихъ и пановъ Бонинъ, Камеке, Путбусъ, Краковиць и др., говорили еще по-славянски. А что видимъ *нынѣ* въ этихъ странахъ? Славянскіе звуки тамъ давно уже замерли, а по-славянски, конечно на довольно исковерканномъ нарѣчьи, говорятъ тамъ только рѣки, горы, мѣстности. Произнося громкія теперь названія Берлинъ, Лейпцигъ, Шверинъ, Штетинъ—не всякій знаетъ, что эти города славянскаго происхожденія; удивляясь необыкновеннымъ успѣхамъ государей прусско-бранденбургскихъ—не всякій уже знаетъ, что эта могущественная монархія между Лабой, Одрой и Вислой основана на развалинахъ славянскихъ. Вотъ какія перемѣны состоялись въ этихъ нѣкогда славянскихъ земляхъ! Что же, спрашивается, произвело такой громадный переворотъ въ отношеніяхъ тѣхъ странъ? Какія причины способствовали такому перевороту? Посмотримъ на оба воюющіе лагера. Германскій міръ, Нѣмцы и Скандинавы, выступаютъ въ борьбу съ громадными средствами. Императоры-короли, герцоги, маркграфы, епископы—все время направляютъ всѣ свои силы къ *одной* дѣли: къ поворенію и къ пораженію славянскихъ язычниковъ. Что же дѣлаютъ Славяне? У нихъ не прекращаются внутреннія распри, междоусобицы; они, хотя храбро сражаются, но дѣйствуютъ какъ попало, безъ обдуманнаго плана; у нихъ не возникаетъ сильное государство, которое, сплотивши всѣ разрозненныя племена балтійскихъ Славянъ въ одно политическое цѣлое, могло бы противопоставить свои силы римско-нѣмецкой имперіи. У Нѣмцевъ замѣтно направленіе *центростремительное*, между тѣмъ какъ у Славянъ преобладаетъ направленіе *центроблужное*. Мало того. Если ближайшіе соплеменники полабско-балтійскихъ Славянъ, христіанскіе Чехи и Поляки, помогаютъ Нѣмцамъ противъ своихъ языческихъ братьевъ, то это

еще понятно; тогда религиозное чувство поглощало всё остальные стремления человечества. Но если языческие Ободричи помогают христианским Нѣмцамъ противъ Лютичей, если даже племена Лютичей—въ своихъ междоусобныхъ войнахъ—призываютъ другъ противъ друга на помощь нѣмецкіе отряды, то это просто возмутительно. Въ началѣ XI вѣка сильный князь повислянскихъ Ляховъ, польскій Болеславъ, задумываетъ планъ соединить западныхъ Славянъ въ одно политическое цѣлое. Германія дрожить передъ этимъ „грознымъ славянскимъ львомъ“, который водружаетъ знамя политическаго единства западныхъ Славянъ въ старинномъ городѣ чешскихъ Премысловичей, въ Прагѣ. И вотъ какъ западные Славяне отвѣчаютъ на политическую комбинацію этого славнаго Пястовича! Чехи соединяются съ нѣмецкимъ королемъ и прогоняютъ Болеслава изъ Праги; Лютичи—*языческіе* Лютичи, такіе же Ляхи, какъ и повислянскіе Ляхи, сами подстрекаютъ нѣмецкаго короля къ войнѣ противъ Болеслава. Этого мало. Они высылаютъ даже войско въ нѣмецкій лагерь, чтобъ воевать съ ненавистнымъ польскимъ княземъ. И вотъ является поразительное зрѣлище: богъ языческихъ Славянъ Лютичей, Сварожичъ, и патронъ христианскихъ Нѣмцевъ, святой Маврикій, идутъ дружелюбно рука объ руку противъ польскаго христианскаго князя, такъ что этотъ неестественный союзъ язычества и христианства возмущаетъ даже одного нѣмецкаго мисіонера. При такомъ положеніи дѣлъ не удивительно, что наконецъ Славяне въ борьбѣ падаютъ, и Нѣмцы побѣдители водружаютъ на ихъ могилахъ крестъ и знамя своей народности. Въ покоренныя славянскія земли нахлынули нѣмецкіе господа и колонисты; оставшіеся мелкіе славянскіе князья, не находя у своихъ восточныхъ сосѣдей, тоже слабыхъ и разрозненныхъ князей польскихъ, надлежащей опоры, скоро поддаются все подавляющему нѣмецкому вліянію, и сами способствуютъ быстрому онѣмеченію своихъ малыхъ владѣній. Вамъ пришлось не разъ встрѣтиться съ такимъ взглядомъ, будто гибелью полабско-балтійскихъ Славянъ виноваты одни Нѣмцы. Припомните, какъ безсмертный пѣвецъ „Дочери Славы“, Коларъ, плачетъ надъ гробомъ тѣхъ Славянъ, и какъ онъ, подобно Данте, посылаетъ всѣхъ этихъ Генриховъ, Оттоновъ, Героновъ въ адъ.

Но по моему мнѣнію, всё эти нареканія и упреки—просто *lipentia poëtica*. Жизнь народовъ не поэзія, а серьезная реальность, борьба за существованіе. Малые и слабые народы естественнымъ образомъ должны применить къ болѣе сильнымъ—одноплеменнымъ-ли, чужимъ-ли, все равно—и въ нихъ мало по малу расплавляться. Этого *безопаснаго химическаго процесса*, происходящаго въ жизни народовъ, никто и ничто въ мірѣ задержать не можетъ. У каждаго народа, а тѣмъ болѣе у великаго и сильнаго, есть, если такъ можно выразиться, *экспансивная сила*, которая его влечетъ далеко за предѣлы собственной территоріи. Такое стремленіе лежитъ и въ характерѣ нѣмецкаго народа, и кто-же виновать, если восточные сосѣди Нѣмцевъ, разрозненные полабско-балтійскіе Славяне не сумѣли сплотиться въ одно сильное политическое цѣлое, и лишившись самостоятельности, передъ нѣмецкимъ напоромъ гнулись и растоплились какъ воскъ! Противъ силы духовной и матеріальной надо поставить опять *такую же* силу, а не жалкую рознь и безвѣчную неурядицу“.

Эти слова можно сказать вообще о всѣхъ Славянахъ, и въ такомъ смыслѣ я говорю часто и на другихъ мѣстахъ. Въ статьѣ „Славяне и нѣмецкое стремленіе на востокъ. По поводу сербско-болгарскаго столкновенія и рѣчи Бисмарка“ (Извѣстія С.-П. славянскаго благотворительнаго общества 1886, мартъ, стр. 106—117) я указалъ на разныя причины неблагоприятной судьбы западныхъ и южныхъ Славянъ: „Много было причинъ печальнаго раздробленія Славянъ на западѣ и на югѣ. Причины были внѣшнія, но тоже внутреннія, а эти послѣднія рѣшили неблагоприятный исходъ историческаго развитія западнаго и южнаго Славянства. Уже Византійцы VI вѣка замѣтили у ближайшихъ Славянъ, подунайскихъ и черноморскихъ, одну черту, которая сдѣлалась для дальнѣйшаго историческаго развитія Славянъ роковою. Славяне—такъ разсуждаютъ Византійцы—не терпятъ никакого повелителя и преслѣдуются взаимною ненавистью; ни въ чемъ они между собою не согласны; если одни въ чемъ-нибудь согласятся, то другіе сейчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, такъ какъ всё ненавидятъ другъ друга, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому; по этому нужно ихъ сварливыхъ вождей приводить на свою

византійскую) сторону, чтобъ они не соединились подъ однимъ повелителемъ. А съ другой стороны Арабы тоже замѣтили, что, еслибъ Славяне не были такъ раздроблены, то не могъ бы съ ними помѣриться ни одинъ народъ въ мірѣ. Вотъ источникъ политической слабости Славянъ, по мѣткимъ сужденіямъ иноплемениковъ. Но этого мало: Вста родъ на родъ, и быша въ нихъ усобицы, и воевать начаша сами на ся; и рѣша сами въ себѣ: попищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ Варягомъ и рѣша: Вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ. И избрася *uning Rurik und sine getruwen* и прія власть. Вотъ и обыкновенный конецъ исторіи всѣхъ славянскихъ междоусобицъ“. Дальше я разсматриваю всѣ тѣ безконечныя войны Славянъ между собою, которыя кончались ихъ гибелью, паденіемъ ихъ самостоятельности и торжествомъ ихъ враговъ. „Впрочемъ къ такимъ явленіямъ въ славянскомъ мірѣ надо уже привыкнуть. Равнымъ образомъ, какъ въ 789 г. ободричскій князь Волчанъ навѣрное не былъ первымъ Славяниномъ, сражавшимся за нѣмецкіе интересы противъ ближайшихъ соплеменниковъ, такъ и въ 1885 г. сербскій король Миланъ вѣроятно не былъ послѣднимъ Славяниномъ, который служилъ нѣмецкимъ интересамъ противъ славянскихъ. Мы не входимъ въ оцѣнку разныхъ этихъ явленій славянской исторіи, и констатируемъ только фактъ, что Славяне больше чѣмъ цѣлое тысячелѣтіе, сознательно и безсознательно, добровольно и по неволѣ, стараются — *travailler pour le roi de Prusse*“. Я указываю на великую идею славянскую, которая часто проявляется въ взаимныхъ сношеніяхъ славянскихъ народовъ, у славянскихъ политиковъ, философовъ, поэтовъ. „Но рядомъ съ этими великими идеями братства, соглашенія, которыя считаются необходимыми для дальнѣйшаго успѣшнаго развитія Славянства, продолжаетъ работать и славянской Чернобогъ; онъ поджигаетъ въ Славянствѣ весь обильный горячій матеріалъ ненависти и зависти, центробѣжныхъ стремленій, сепаратизма, ссоръ, войнъ, которымъ и пользуются иноплеменики, особенно нѣмецкій Воданъ, для непрерывнаго ослабленія, униженія и истребленія Славянъ. Удивительно: Славяне сознаютъ всю пользу, всю необходимость соглашенія и сое-

диненія, весь вредъ разъединенія и междоусобиць; а все-таки поддаются на затѣи своихъ враговъ, внутреннихъ и виѣшнихъ!

Все повоя широко прагнуть,
 А не въ одинъ гужъ все тягнуть,
 Той на право, той на ливо,
 А все брати, то-то и диво!“

Въ такомъ-же смыслѣ рассматриваю судьбу славянскихъ народовъ и въ своемъ сочиненіи „Славяне“. Я тамъ говорю о трагической судьбѣ Славянъ, о центробѣжныхъ стремленіяхъ малыхъ народовъ славянскихъ на западъ и на югъ, но тоже о необходимости превратить ихъ безконечныя дразги, которыми пользовались и пользуются ихъ враги, преимущественно Нѣмцы. Я, говоря объ успѣхахъ Нѣмцевъ (I. 74—76) въ ущербъ разрозненнымъ и отсталымъ Славянамъ, прямо заявляю, что „сила умственная и матеріальная взяла свое: нѣмецкое стремленіе на востокъ праздновало на славянскихъ нивахъ обильную жатву, вытѣснивши или подавивши славянскихъ хозяевъ, поссоренныхъ, разрозненныхъ, слабыхъ и запоздалыхъ, по собственной винѣ и въ слѣдствіе разныхъ печальныхъ обстоятельствъ. Исполнились пророческія слова нѣмецкаго монаха Видукинда X-го вѣка: Нѣмцы добились славы и великой и обширной державы, Славяне на западъ и на югъ не отстаивали своей свободы, своей политической самостоятельности, а очутились въ повиновеніи и въ зависимости отъ Нѣмцевъ“. Я много говорю о политическихъ ошибкахъ Польши, именно въ 1420, 1526, 1618 и 1683 г., о томъ, какъ Польша не переставала travailler pour le roi de Prusse (см. „Славяне“, т. II. 70—100, т. III, часто); о томъ, какъ Нѣмцы, усилившись покоренными Славянами, останавливали русское „ура“ на Дунаѣ, спасали Турцію, помѣшали соединенію Польши съ Россіею, захватили польскія земли, и наконецъ привлекли и Россію къ защитѣ нѣмецкихъ интересовъ въ средней Европѣ; а это послѣднее я считаю и называю chef d'oeuvre политическаго ума и прозорливости Нѣмцевъ (см. „Славяне“, II. 417—420).

И такъ, сдѣланный мнѣ упрекъ британца „Вѣстника Европы“, будто я тоже, вмѣстѣ съ другими наивными Славянами, „свали-

ваю чуть не всё бѣды славянскаго міра на Нѣмцевъ, на нѣмецкое коварство“ — оказывается неосновательнымъ. Напротивъ, я, конечно не сочувствуя антиславянской политикѣ Нѣмцевъ, сваливаю большую часть бѣдъ постигшихъ славянскій міръ, на Славянъ самихъ. Я очень хорошо понимаю, что интересы нѣмецкаго народа требуютъ всячески истреблять и ослаблять славянскій міръ, не допускать его до опаснаго имъ, Нѣмцамъ, соглашенія, единенія и соединенія. Это, пожалуй, право Нѣмцевъ; но равнымъ образомъ я присвоиваю и Славянамъ право, стремиться къ соглашенію, единенію и соединенію, и устранять всё препятствія, даже по образцу Домбровны и Домажлиць (см. „Славяне“ Ш. 74). Можетъ быть, многіе Славяне этого пожелаютъ. Но есть и другіе Славяне, которые этого не пожелаютъ, а предпочтутъ слѣдовать своимъ возлюбленнымъ центробѣжнымъ стремленіямъ, своей удивительной беззаботности, взаимной ненависти и зависти; они, думая о своемъ мнимомъ „величіи,“ — Нѣмцы называютъ такихъ людей *die kleinen Gerngrossen*, — предпочтутъ не соединяться противъ общаго сильнаго врага, а предоставлять ему хозяйничать по очереди въ имѣніяхъ соплеменника сосѣда, одного, другого, третьяго, при чемъ не пострадавшій еще сосѣдъ играетъ роль того глубокомысленнаго малорусскаго философа стойка, сказавшаго — во время пожара въ селѣ — классическія слова: „Моя хата съ краю, ничего не знаю.“ Дѣйствительно, такая убійственная философія находила и находить среди Славянъ много сторонниковъ; еще хорошо, если не пострадавшій пока сосѣдъ сидитъ себѣ въ своей хатѣ, и не бѣжитъ на помощь чужимъ хозяевамъ противъ пострадавшаго родственнаго сосѣда; и это въ славянскомъ мірѣ бывало и бываетъ. Но такая философія имѣла и имѣетъ не очень пріятныя для Славянъ послѣдствія: „ненасытная пасть Нѣмцевъ“ — слова чешскаго короля Премысла Отакара II (см. „Славяне,“ Ш. 25) — поглощала и поглощала не только перваго, второго, третьяго сосѣда, а наконецъ и самого философа стойка, который однако успѣлъ еще передать свое „моя хата съ краю, ничего не знаю“ въ наслѣдство дальнѣйшему родственному сосѣду. Въ виду такой глубокомысленной философіи многихъ Славянъ — отъ которой спасла по крайней мѣрѣ русскій народъ самодержавная

Москва (см. „Славяне“ I. 168—169), — въ виду таковаго безалабернаго, безотраднаго и безвыходнаго славянскаго хаоса — нельзя удивляться, что многіе здравомыслящіе и незараженные еще тою убійственною философіею Славяне съ удовольствіемъ повторяютъ слова великаго Хорвата Крижанича (см. „Славяне“ II. 343), который отводитъ одной Россіи дѣятельную роль въ разсѣяніи того хаоса, той *rudis indigestaeque polis*. Я, зная разные славянскія идили и батрахомиомахіи не изъ однѣхъ книгъ, уже давно принадлежу къ почитателямъ и сторонникамъ философіи Крижанича; свои мысли о „славянскомъ вопросѣ“ я высказалъ часто, въ самой своей книгѣ и въ разныхъ статьяхъ (на пр. въ выше упомянутой „Славяне и нѣмецкое стремленіе на востокъ,“ въ статьѣ „Чешско-русскія недоразумѣнія“ въ ж. Русская мысль 1884, октябрь, въ одной своей рѣчи, срв. Извѣстія Сп. славянскаго благотворительнаго общества 1885, май, стр. 277, и др.). Не могу иначе, какъ повторить свои слова („Славяне“ I. 90), которыми я характеризую новѣйшую исторію Славянства: „Возникаетъ вопросъ: на сколько основательны надежды южныхъ и западныхъ Славянъ и опасенія иноплеменниковъ на счетъ той роли, которую, по мнѣнію тѣхъ и другихъ, долженъ въ Славянствѣ сыграть первый его народъ, русскій, единственное самостоятельное славянское государство, Русь. Этотъ вопросъ составляетъ важную, существенную часть возрожденія западныхъ и южныхъ Славянъ, интересуется все больше и русскій народъ, и становится тою осью, около которой начинается новѣйшая исторія всего славянскаго племени.“ Меня ни чуть не смущаютъ событія, которыя иногда совершаются на балканскомъ полуостровѣ, и „которыя указываютъ (такъ думаетъ по крайней мѣрѣ критикъ „Вѣстника Европы“) на новый оборотъ славянской идеи, гдѣ прежнія идеалистическія ожиданія встрѣчаются съ рѣзкими противорѣчіями.“ Такіе „обороты“ бывали и прежде, во время Милоша Обреновича и Александра Карагеоргіевича, и всегда кончались поворотомъ Сербіи къ Россіи; а новѣйшій оборотъ въ этомъ послѣднемъ „новомъ оборотѣ“ славянской идеи состоялся опять въ Сербіи, гдѣ руководящіе кружки убѣдились, что Сербы безъ помощи Россіи никогда ничего достигнуть не могутъ. Такой же оборотъ состоится

вѣроятно скоро и въ Болгаріи, гдѣ руководящіе кружки чувствуютъ, что сопротивляться Россіи на долго нельзя. Въ народахъ сербскомъ и болгарскомъ никакихъ „оборотовъ“ не было и нѣтъ; оба они искони увѣрены въ томъ, что они безъ Россіи никогда ничего не достигнутъ, и что самое лучшее для нихъ, оставаться съ Россіею въ такихъ отношеніяхъ, въ какихъ находится Черная Гора. Все это очень реальныя интересы, а не „идеалистическія ожиданія“, которыя могутъ имѣть мѣсто въ поэзіи и вообще въ книгахъ, но не въ практической политикѣ. Я вообще избѣгаю „идеалистическихъ ожиданій“, и свой взглядъ на соперничество Россіи и нѣмецкаго народа (Австріи, Германіи) на балканскомъ полуостровѣ, я высказалъ очень ясно (см. „Славяне“, II. 211 — 218). Планъ „федераціи балканскихъ народовъ“—по почину этихъ народовъ, Болгарь, Сербовъ, Волоховъ, Грековъ и Албанцевъ — вызываетъ у знатовъ славянскихъ и балканскихъ отношеній только улыбку; до сихъ поръ остаются въ силѣ слова охридскаго патріарха Аванасія 1615 г. (см. „Славяне“ II. 213): „Всѣ эти народы — люди честолюбивые, гордые и злостные, ищутъ взаимной гибели, и безъ сильной чужой власти угрожаетъ гражданская война между ними“. И такъ, балканскую федерацію можетъ устроить только другая сильная власть, своя славянская — Русь, или чужая — Нѣмцы (Австріи, Германія). Съ другой стороны я утверждаю, что такъ называемая „славянская идея“ пріобрѣтаетъ и для Россіи все большее значеніе, именно въ виду возможнаго наступательнаго движенія нѣмецкаго народа и его союзниковъ еще дальше на славянскій востокъ. „Славянский вопросъ, т. е. выясненіе и опредѣленіе будущей судьбы Славянъ западныхъ и южныхъ“—говорю я („Славяне“, т. I. стр. IX)— „все настойчивѣе и громче стучится въ ворота восточно-славянскои имперіи, неумолимо требуя для себя вниманія всѣхъ кружковъ русскаго народа. Отворачиваться отъ этого вопроса, игнорировать его, отпираться отъ него, глумиться надъ нимъ, проклинать его—все это совершенно неумѣстно и напрасно. Дѣло идетъ вовсе не о какихъ-то сентиментальныхъ чувствахъ и слезливыхъ симпатіяхъ къ „братушкамъ“, а касается самыхъ существенныхъ, реальныхъ, жизненныхъ интересовъ Россіи, требуетъ

всесторонняго напряженія всѣхъ ея матеріальныхъ и духовныхъ силъ.“¹⁾

Знаю, что многіе Славяне въ Россіи и внѣ Россіи согласны съ такими моими взглядами на славянскія дѣла, но что и многіе Славяне ихъ не раздѣляютъ. Можетъ быть, инымъ Славянамъ болѣе по душѣ слова, высказанныя еще въ 1848-омъ г. въ нѣмецкомъ парламентѣ въ Франкфуртѣ, гдѣ одинъ нѣмецкій политикъ, М. Гагернъ, ратовалъ въ пользу сближенія двухъ главныхъ нѣмецкихъ державъ, Австріи и Пруссіи, тоже въ виду того, что „всѣ тѣ народы по Дунаю, которые не имѣютъ ни права ни призванія къ самостоятельности, должны быть включены, какъ драбанты, въ нѣмецкую планетную систему“. Много такихъ славянскихъ „драбантовъ“ и „бурлаковъ“ всегда и работало и работаетъ, по доброй волѣ и по неволѣ, въ пользу интересовъ нѣмецкаго народа (срв. „Славяне“ I. 74—76, П. 418).

Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ не всѣ Славяне западные и южные желаютъ быть „нѣмецкими драбантами“, и по этому все болѣе обращаютъ свои взоры на „сильную и мудрую Сѣверницу“ т. е. Русь, приносящую—по словамъ Ю. Пальмотича (см. „Славяне“ П. 361, повтореннымъ и мною въ предисловіи къ II тому)—Славянамъ помощь и примиреніе. Къ этимъ моимъ словамъ критикъ „Вѣстника Европы“ поставилъ вопросительный знакъ, по моему мнѣнію совершенно лишній. Я не говорю, что сильная Сѣверница всегда дѣйствовала мудро, — она тоже участвовала въ общеславянской работѣ *roug le roi de Prusse*—; а хочучи этимъ сказать, что матеріально и культурно сильная и мудрая

¹⁾ Однажды — уже послѣ сербско-болгарскаго столкновенія— я говорилъ съ однимъ выдающимся югославянскимъ государственнымъ дѣятелемъ о разныхъ славянскихъ вопросахъ; я упомянулъ между прочимъ тоже о томъ, что въ Россіи многіе провозглашаютъ нынѣ „этотъ славянский вопросъ.“ Южный Славянинъ спросилъ меня: „Какъ вы думаете: Россія желаетъ приобрести Царьградъ, или нѣтъ?“ Я, конечно, не могъ отвѣтить отрицательно. „Въ такомъ случаѣ славянский вопросъ Россіи нуженъ.“ Замѣчу, что ни тотъ южный Славянинъ ни я не увлекались никакими идеалистическими ожиданиями, и толковали о славянскихъ дѣлахъ очень реалистически.